

По случаю шестидесятилетней годовщины казни вождей

Освободительного Движения

-----O-----

В И Быкадоров

Тайное Задание

Второе издание

1 Августа 2006г.

Санта Роза, Калифорния

C.III.A.

Тайное задание

Второе издание

16-го апреля 1945 года. Вчера второй выпуск Офицерской школы Русской Освободительной Армии сдал экзамен. Сегодня из штаба явился за мной дежурный ординарец.

- Вам приказано немедленно явиться в штаб.
- Для исполнения срочного задания командованию необходим доброволец, оповещает дежурный офицер.
- Между прочим, молодой человек, вам сколько лет?
- В марте исполнилось 22 года, господин капитан отвечаю я.
- Когда же вам удалось заслужить полное доверие генерала и убедить его, что более подходящего кандидата для предстоящего задания ни в дивизии, ни в офицерском училище не найти?
- С Михаилом Алексеевичем я был знаком еще до моего вступления в ряды Русской Освободительной Армии, - уклончиво отвечаю я.
- Следовательно, тогда вами и было заслужено полное доверие генерала?
- Да, отвечаю я, - возможно, что именно тогда.
- Так вот, в случае вашего согласия исполнить данное поручение, подробности будут вам заблаговременно сообщены. А пока вы свободны! Идите, а через час возвращайтесь с ответом! Предупреждаю, в любом случае, наш разговор разглашению не подлежит. Надеюсь, вы меня поняли?
- Размышлять мне не о чем, я согласен.

Дежурный офицер, предварительно постучав в соседний кабинет, вошел в приоткрытую дверь. Через минуту, туда же был приглашен и я.

Перед письменным столом, слегка улыбаясь, стоял начальник офицерского училища, - генерал Меандров.

С генералом Меандровым я, впервые встречался в Берлине, когда он был еще в звании полковника. Вскоре после вступления в ряды РОА он также стал членом Национального Трудового Союза, - подпольной политической, антикоммунистической организации в которой я тогда исполнял должность личного секретаря Председателя Совета и Исполнительного Бюро Виктора Михайловича Байдалакова. Встречаться мне с генералом Меандровым приходилось нередко.

После прибытия в Офицерскую Школу в Мюнзинген я дважды был приглашен на квартиру генерала, где после ужина, в уединенной обстановке, я подробно рассказал ему об аресте агентами Гестапо руководства организации, к которой мы принадлежали. В служебном кабинете генерала мне привелось быть впервые. Вытянувшись в струнку, рапортую:

- Господин генерал, курсант Быкадоров прибыл по вашему повелению!
- Не курсант, а подпоручик. Поздравляю вас! Я слыхал, как вы вчера отличились во время сдачи тактических заданий. Ввиду предстоящей эвакуации полигона торжество производства вашего выпуска откладывается на неопределенное время. Из-за выполнения задания вам, по-видимому, на нем присутствовать не удастся. В знак ваших успехов хочу лично вручить вам офицерские погоны. Хвалю вас за безоговорочное согласие на исполнение предстоящего задания. Прощайте, Володя! Желаю вам полного успеха!

Перед выходом я крепко пожал протянутую руку генерала.
В прихожей сталкиваюсь с поджидающим меня молодым офицером.

- Капитан Лапин - произносит он. - О вас мне уже кое-что известно и от генерала, и от некоторых общих знакомых, служащих родине не только на поле брани но, так сказать, и при помоши

«идеологического оружия». Рад за вас, что вам удалось вырваться из гестаповского заключения, да и за то, что вы не поколебались включиться в ряды нашего движения. Ну, пока хватит! Основательней познакомимся в пути. Тогда я и введу вас во все подробности предстоящего задания.

На следующее утро, на добытых из кавалерийского дивизиона конях, мы отправляемся в путь. Присматриваюсь к своему начальнику. Мой спутник роста слегка ниже среднего, крепкого спортивного телосложения. Выправка у него военная. Приветливое, окаймленное тёмной, как ночь, выющейся шевелюрой лицо. Темного цвета, выразительные, слегка с монгольской прорезью глаза. Держит он себя уверенно.

С рыси переходим на шаг. В полдень в прикрытии придорожной рощи делаем привал.

- Ну, вот давайте и по всем правилам познакомимся, - говорит мой спутник. – Зовут меня Николаем Фёдоровичем Лапиным, 1916-го года рождения. Жил я до войны в Сибири. Там же, во Владивостоке, закончил факультет восточных языков. Знаю, что вы владеете несколькими европейскими языками, а вот я знаком лишь с китайским. Вряд ли он теперь нам пригодится. А ваши знания, Володя, (вы не возражаете тому, что я называю вас по имени?) нам вскоре понадобятся.

- Война на исходе, продолжает капитан, - наше движение нуждается в непосредственной немедленной связи с руководящими кругами западных союзников. Исполняя наше задание, мы сможем положительно повлиять на успешное продолжение борьбы освобождения России от коммунистической власти.

- Слушайте внимательно! То, что вы сейчас услышите, вам вскоре придётся переводить представителям американского военного командования. – К тому же учтите, что в случае моей гибели во время перехода фронта, ответственность за исполнение задания предварительной связи с Западом, всецело ляжет на вас!

- Нам приказано, - продолжает капитан, - добиться от союзников принципиального согласия на ведение переговоров, касающихся политического положения наших соотечественников, военных и гражданских, во время войны оказавшихся на территории занятой германскими властями. В случае принципиального согласия западных союзников, переговоры будут продолжены с уполномоченными руководящими лицами Русского Освободительного Движения.

- В первую очередь нам предстоит подробно разъяснить ответственным представителям американского Верховного Командования идеологию Русского Освободительного Движения и причины, побудившие его вступить в открытую борьбу с большевистской властью. Нам также нужно быть готовым разъяснить ему, зачем нашему движению понадобилось вступить во временный союз с поработителями нашей родины.

- Во-вторых, - продолжает капитан, - необходимо добиться согласия западных союзников рассматривать сдающихся в плен частей Русской Освободительной Армии не как вражеские соединения, а как потенциальных будущих союзников в борьбе демократического мира против международного коммунизма.

- В-третьих, пытаться добиться согласия о том, что военнопленные, а также и вывезенные на принудительные работы советские подданные, без их личного согласия, насильно в СССР не будут возвращены.

- В случае успеха вам, Володя, предстоит вторично пересечь фронт, связаться с нашим руководством, и доложить ему о достигнутом предварительном согласии.

- Это задание придётся выполнить вам, так как, по всем правилам, американцам предстоит задержать меня в качестве заложника. - Кстати, вас не пугает возможный, предстоящий ночной парашютный прыжок с самолёта? Вам предполагается осуществить его в гористой местности, к тому же, по всей вероятности, ночью. Задание это, конечно не безопасное, но более верной и быстрой связи, пожалуй, не придумать.

- Нет, не пугает, отвечаю я. – Парашютными прыжками мне занимался, не приходилось. Но о них с детства я часто мечтал. Взамен я увлекался прыжками в воду, прыгал с высоких мостов, с отвесных скалистых берегов, а иногда и с мачт пришвартованных к пристаням кораблей.

- Отлично! Следовательно, так и будем стремиться осуществить связь со штабом РОА.

С каждым днём мы всё ближе продвигаемся к фронту. Вся живописная местность Нижней Баварии непрекращающимися ни днём, ни ночью бомбардировками превращена в полную разруху. Не видно ни одного неповреждённого моста или железнодорожной станции...

С осторожностью продвигаемся вперёд. Дважды попадаем под обстрел парящих на низком полёте американских истребителей. Немецкой авиации как будто не существует. Встречаемые лица местного населения неприветливо глядят на нас. Нацистская Германия, корчась в предсмертных сватках, мучительно переживает последние дни своего постыдного господства...

Нет сомнения, что с дьявольской нацистской властью, главным образом благодаря героической жертвенности нашего народа, скоро будет покончено навсегда. А сумеет ли он избавиться от не менее преступной советской власти? И удастся ли нам, борцам за подлинное «счастье народное», без кровопролитной междоусобицы убедить наших соотечественников в правоте нашего «Освободительного Дела»?

В прифронтовой полосе мы неожиданно натыкаемся на заградительный отряд. При помощи наших специально заготовленных документов, убеждаем стражу в законности нашего пути. Нет сомнения, что тот факт, что мы направляемся к фронту, а не удаляемся от него, помогает убедить стражу в правоте наших намерений.

В ночь на 22-го апреля нам удаётся без приключений пересечь линию фронта. На следующий день вблизи города Нордлинген, переодевшись в штатский костюм, являемся в штаб американского батальона, объясняем, что мы – русские офицеры, прибыли со срочным заданием к Верховному Американскому Командованию.

Американцы принимают нас за советских разведчиков, дружески хлопают по плечу, всеми мерами стремятся доказать нам своё восхищение перед «дядей Джо» и доблестью советской армии.

На джипе нас, наконец, привозят в окрестности города Вюрцбург, где временно дислоцирован штаб 7-ой американской армии.

При первом же допросе мы объясняем начальнику контрразведки кто мы, и причины, побуждающие нас настаивать на срочной доставке в штаб Верховного Командования.

В ставку генерала Эйзенхауэра нас не допустили. Допрашивающий нас подполковник заявил, что его роль заключается в доскональном ознакомлении с нашей миссией и доклада на эту тему по начальству. Следующие допросы посвящены выяснению некоторых вопросов, но о согласии нет и разговора.

В начале мая нас сажают на машину и перевозят в Геппинген. По пути, на перекрёстке, читаю на вывешенном плакате о самоубийстве Гитлера и об окончании войны.

Геппинген - вблизи города Штуттгарт. В наше расположение предоставлена двухэтажная дача. Мы с Колей ее единственные жители. Охраны не видно. Мы знакомимся с роскошными условиями жизни нацистских вельмож. Становится понятным корыстные причины, побуждавшие партийцев беспрекословно, ни о чём, не задумываясь служить нацистской партии.

Три раза в день пленный денщик приносит нам питание. Он же исполняет любые наши просьбы, связанные с обеспечением необходимыми предметами гигиены и удобства. Но, несмотря на привилегированные условия, волнует отсутствие продвижения нашей миссии.

Коля мне много рассказывает о себе. Я в свою очередь, плачу тем же. Переходим на «ты». Несмотря на разницу в возрасте, воспитании и происхождении, мы быстро сходимся на основании наших стремлений и убеждений.

Родители Коли во время Императорской России вступили в партию эсеров. Еще до 1-ой Мировой войны за политическую деятельность, они были осуждены и сосланы в Сибирь. Там, - в ссылке, он и родился. После окончания высшего образования, закончив факультет восточных языков, Коля отбывает военную службу в пограничных войсках на Дальнем Востоке. При исполнении должности помощника начальника отряда контрразведки, он впервые встречается с иностранцами – представителями запретного и неизвестного мира...

По окончании военной службы Коля работает на должности директора среднего учебного заведения в Омске. Во 2-ую Мировую войну он назначается на должность помощника начальника разведывательного Отдела штаба корпуса, а вскоре, при производстве в следующее звание, помощ-

ником начальника агентурной разведки Штаба 19-ой Армии. Там он впервые знакомится с Начальником Штаба Армии генерал-майором В. Ф. Малышкиным.

В районе Вязьмы армия попадает в окружение. Следует плен, встреча с заграничными соотечественниками и вступление в ряды Русской Освободительной Армии. В 1944-ом году в Париже, исполняя должность редактора «Информационного Листка», Коля знакомится с местными членами Национально Трудового Союза, и вскоре вступает в его ряды.

Но наше удобное житьё на положении парламентёров вскоре прекратилось. В начале мая нас грузят на военные машины и мы, в сопровождении стражи и нескольких добавочных арестованных штатских лиц пускаемся в путь в восточном направлении. Через два часа нас выгружают в окрестностях города Аугсбург, в местечке Бэрренкеллер - (на туземном языке означающем – медвежий подвал или берлогу). Бэрренкеллер, как нам впоследствии удаётся разузнать, посёлок, построенный для надобностей служащих местного авиационного завода Мессершмидт.

Бэрренкеллер состоит из ряда каменных двухэтажных помещений. С парадной стороны каждого здания – покрытая травой лужайка, а с задней – расположены огородные участки. Наша с Колей квартира угловая, и лужайка распространяется по двум сторонам многоквартирного дома. За ней полоса железной дороги. Через выходящее в направление огородов окно, видна окружённая жилищами большая площадь и еще каким-то многоэтажным зданием.

Наша находящаяся на первом этаже квартира состоит из двух спален и обширной кухни, одновременно служащей столовой. При маленькой прихожей – дверь в ванну и в уборную...

После вселения, не проходит и часа, стук в дверь:

- Разрешите представиться, - оповещает вошедший: статс-секретарь Эрвинг Кёрнер. Второй посетитель, менее приветлив, также называет свою фамилию. Представляемся и мы...

В одном из министерств возглавляемых Германом Герингом, статс-секретарь Кёрнер исполнял должность управляющего четырехлетним планом, похожим на советские пятилетки. Благодаря занимаемому высокому положению ему нередко приходилось присутствовать на официальных, а также и интимных приёмах у Гитлера.

От него мы впервые узнаём подробности о придворных неполадках, причудах вождя и к нему приближенных лакеев «Третьего Рейха».

На будущее побеждённой Германии Кёрнер смотрит оптимистично, верит, что для восстановления экономики его родины у американцев нет иного выбора, как поручить эту работу именно таким специалистам, каким является он.

- Я безоговорочно убеждён, (*Ich bin falsenfest überzeugt!*) что восстановление родины без нашего участия невозможно, с непоколебимой уверенностью заявляет он.

С грустью в душе вспоминаю, как в начале войны, мы - русские эмигранты, а также и население занятых областей России тоже были непоколебимо уверены, что культурная Германия, какая бы в ней не была власть, на самом деле поставила себе целью избавить Россию от пагубной диктатуры коммунизма. Однако на горьком опыте нам пришлось убедиться, что в международной политике альтруизма не существует и, захватнические намерения Гитлера, чуть ли не с первых дней войны, стали очевидны.

Второй немец неразговорчив, на вид он настоящая, нацистская держиморда. Своих мыслей он не высказывает. Позже, от Кёрнера узнаём, что он бывший крупный партийный руководитель, во время войны занимавший должность администратора в оккупированной Польше. Всё, без добавочных разъяснений, становится понятным, и мы с Колей держимся от него подальше.

В нашей, впопыхах покинутой законными жителями квартире, был обнаружен сундучок с ручным инструментом. При помощи этой находки, из буковой палочки вырезаю набор шахматных фигур. В кратчайший срок, под руководством Коли, изучаю правила шахматной игры. Из-за переизбытка свободного времени мы играем в шахматы чуть ли не с утра до вечера..

Сразиться с нами выявил желание и наш статс-секретарь. Шахматистом он был слабым, и нам, сознаюсь, доставляло громадное удовольствие побеждать этого недавнего представителя нацистской элиты.

Однажды, приоткрыв окно, на прилегающей к нашей спальне лужайке я увидел пышную фигуру Геринга. Он медленно прогуливался в сопровождении американского офицера. Я сейчас же оповес-

тил об этом Кёрнера. Через широко распахнутое окно, мы с любопытством рассматривали этого, самого главного после Гитлера, представителя побеждённой нацистской Германии...

Когда Геринг приблизился к нам, обращаясь к своему бывшему подчиненному, он весело спросил:

- Эрвинг, вижу и ты здесь!
- Я тоже арестован, господин Райхсмаршал, - виновато произнёс Кёрнер.
- А что это с тобой за люди? – указывая на нас, спрашивает он.
- Это русские офицеры, - отвечает Кёрнер.

Кивнув в наше направление, обращаясь к своему бывшему подчинённому, Геринг промолвил:

- Я постараюсь добиться с тобой свидания.

Действительно, на следующий день мы наблюдали, как Геринг прогуливался не только в сопровождении американца, но также и с бывшим своим помощником.

Вечером Кёрнер охотно поделился с нами добытыми от Геринга новостями. Он рассказал нам подробности о недавнем самоубийстве Гитлера, его жены Евы и всей семьи Геббельса. Узнаём, что решивший покончить с собой Гитлер, на предложение Геринга взять бразды правления в свои руки, ответил приказом немедленно арестовать своего ближайшего сотрудника. После смерти вождя Геринг был освобождён отрядом своих верных парашютистов.

Также узнаём, что Геринг добровольно явился к американцам. Хотя ему и было приказано снять с себя ордена и знаки различия, тем не менее, он считает, что отношение победителей к нему дружелюбное. Держит он себя непринужденно. Настроен оптимистично. Так же как и Кёрнер, он не сомневается, что при будущем восстановлении экономики Германии им, нацистам, будет предоставлена руководящая роль.

Вскоре нас с Колей впервые выводят на прогулку. Гуляем не на северной «герингской» лужайке, а на западной, расположенной с передней стороны нашего блока. Встречаемся впервые с генералами Малышкиным и Жиленковым, а также и с несколькими другими русскими офицерами. Они живут в том же блоке, что и мы, только отделены от нас расстоянием нескольких квартир.

Узнаём, что руководство РОА, решив, что нам с капитаном Лапиным добиться заданной цели не удалось, вдогонку посыпает к американским властям генерала В. Ф. Малышкина в сопровождении личного переводчика, капитана В. К. Штрик-Штрикфельда.

На прогулку, по-видимому, начальство лагеря выводит всех жителей нашего блока. Заключённые – старшие представители Германских Вооружённых Сил, высшие руководители нацистской партии, правительства, промышленного и научного мира.

Помимо четырёх фельдмаршалов, военные также представлены несколькими генералами, в числе которых выделяется своей эсессовской выпрекой генерал Зепп Дитрих, дослужившийся во время войны до самых высочайших наград.

Тут же прогуливаются знаменитый авиаконструктор Вильгельм Мессершмидт, финансист партии при ее зарождении – богач и крупнейший промышленник Тиссен, посол Японии принц Каноэ и бывший глава венгерского правительства адмирал Хорти.

Все заключённые среднего или пожилого возраста, исключением являюсь я. Хотя Коле не более тридцати лет, но он выглядит старше. Замечаю на себе вопросительные взгляды многих заключённых.

В лагере бесконечное движение, кого-то из нацистской знати привозят, а кого-то, спешно, погрузив в легкие военные автомашины, увозят...

Однажды, во время зари, прибыл бывший командующий итальянским фронтом фельдмаршал Кессельринг. При спуске флага этот представитель старой касты тевтонских рыцарей, вытянувшись в струнку, не по-нацистски, а по старому армейскому уставу, под козырёк отдаёт честь опускающемуся с мачты символу страны-победительницы...

На коротких прогулках, под зорким надзором стражи многим не поделились. Нам с Колей не терпеться познакомиться со всеми русскими офицерами, считаем, необходимым отдать отчёт генералам о результате возложенной на нас миссии.

Ночью, одевшись во всё темное, со стороны огородов я тихо выпрыгиваю наружу, по-пластунски доползаю до квартиры соотечественников, стучу в окно и прыгаю в приоткрытое отверстие.

В квартире встречаюсь с генералами Малышкиным и Жиленковым, с полковником Рилем, с майором Юнг, а также и с капитаном Штрик-Штрифельдом.

Медленно течёт жизнь в заключении. Если не считать охраны стоящей при входе в квартиру и посещения два раза в день денщиками, приносящих паёк, можно предположить, что о нашем существовании власти забыли. Но действительность иногда все же даёт о себе знать. В лагере изредка видны советские офицеры. Кем они интересуются: нами или немецкими военными преступниками?

Время проводим в изготовлении ручных изделий. Василий Фёдорович Малышкин, также как и Георгий Николаевич Жиленков, проявляют не только исключительную способность к ручным изделиям, но так же и изворотливость при применении для них любого попадающего в их руки материала. Почти вся продукция из-за недостатка табака, мгновенно меняется на этот дефицитный товар. Довольны и охрана, довольны и «кустари». Так же стремлюсь не отставать от «ремесленников» и я.

В погребе нашей квартиры древесного или металлического материала я не обнаружил. Единственное подходящее для изделия сырьё оказалось лишь листом прозрачной пластмассы. Из него я вырезаю перстни. Взамен драгоценного камня, выдолбив овальное углубление, под прозрачную крышечку вкладываю миниатюрный, вырезанный из фотографии портрет возлюбленной девушки или жены заказчика. Мои кольца между охраняющими нас солдатами пользуются большим успехом. Из отрезков пластмассы, также используя обломок оленьего рога и старые пёстрые ручки от зубных щёток, изготавливаю несколько мундштуков. Они нам очень пригодились, так как каждая сигарета делится нами на две или три части, и без мундштука нам не обойтись.

В первые дни нашего пребывания в Бэрренкеллере статс-секретарь Кёрнер задал мне вопрос: чем могу я объяснить решительное поражение германской армии на востоке?

- Причин, конечно, очень много, отвечаю я. Но, по моему мнению, главная из них, заключается в вашей пагубной «Восточной политике». Россию на протяжении веков завоевать и поработить враги пытались часто. История должна была бы предупредить будущего захватчика о невозможности приведения в исполнение подобного предприятия. Россия для любого завоевателя слишком велика в смысле площади и населения. К тому же характер, мышление и склад души русского народа захватчикам и по сей день – неразрешимая загадка, и, упаси Бог, если агрессору своим поведением удастся оскорбить и унизить достоинство русского народа. Вам же, несмотря на, к сожалению, пассивное несогласие и моральное сопротивление здравой, порядочной части вашего офицерского корпуса, удалось это осуществить чуть ли не в первые дни. Ваш вождь при нападении на Россию своей ложной пропагандой стремился обмануть население СССР, что он объявляет «Крестовый Поход» против диктатуры коммунистической власти. Поверья обещаниям Гитлера, сотни тысяч советских военнопленных выявили желание включиться в освободительную борьбу. Но вместо предоставления возможности на создание собственной, независимой, российской народной силы ваше правительство принудило их, на положении рабов, служить нацистским, корыстным, захватническим целям.

- В начале. Первой мировой войны один из наших выдающихся поэтов сочинил поэму. Она, пожалуй, лучше, чем любые мои толкования, рисует картину душевного состояния, доведенного до отчаяния народов России. На следующий день я продекламировал Кёрнеру мой перевод на немецкий язык поэмы «Скифы» Александра Блока.

Во время декламации я в упор глядел на собеседника. Всё моё существо выражало до малейшей детали все те чувства, которые так замечательно были выражены в этой, превосходной поэме.

Кёрнер, волнуясь, то краснел, то бледнел. После окончания декламации, мой собеседник долго молчал. Потом, медленно, не попрощавшись - вышел.

Но, по всей вероятности, искреннее излияние всего накопившегося за время войны в моей душе, положительно подействовало на моего собеседника. Он, в свою очередь, стал более откровенен, часто доверчиво рассказывал мне об официальных приёмах у Гитлера. Иногда открыто критиковал поведение некоторых нацистских заправил. Больше всего, мне врезался в память его рассказ о том, как приведённый в исступление какими-то высказываниями подчинённого Гитлер бросился на пол и с пеной у рта, выкрикивая никому не понятные вопли, стал грызть угол ковра. И эта омерзительная сцена, по словам Кёрнера, происходила в присутствии его ближайших сотрудников, продол-

жавших и после этого, отвратительного инцидента, беспрекословно, работепно исполнять приказа-ния окончательно помешавшегося фанатика...

Однажды по проходящему вблизи полотну железной дороги прошел эшелон товарного поезда. На паровозе развивалось на ветру красное полотнище. Вагоны были нагружены возвращаемыми на родину русскими людьми. Они, заглушая шум поезда, во всё горло, пели боевые победоносные песни. Было ли это радостное выражение восторга при возвращении на родину или стремление доказать свою преданность сопровождающим «властиам безопасности»?

В этот вечер у всех нас подавленное настроение. Возвращающихся из плена и принудительных работ граждан всех стран Европы, родина встречала с музыкой, цветами и поцелуями; русским же невольникам, предстояло пройти через мучительное чистилище подозревающих всех в измене «органов безопасности», и при отсутствии доказательств в неоспоримой непогрешимости, быть осужденным на долгие годы каторги...

Что происходило, в то время за пределом лагеря нам не было известно. Что случилось с нашими соратниками, у нас не было никакого понятия. После обсуждения положения мы с Колей приходим к выводу, что пассивное ожидание ни к чему хорошему не приведёт. Решаем, что в первую очередь нам необходимо добыть сведения извне. Владеющему немецким языком, мне, выбравшись временно на волю, добыть их будет легче. В крайнем случае, смогу добыть, хотя бы, несколько газет. При помощи свежих сведений генералам будет легче решать, как поступить в будущем. Так же предлагаем Василию Фёдоровичу связаться со штабом РОА, и может даже встретиться с Андреем Андреевичем Власовым.

Наши предложения успехом не увенчались. Всеми признанный начальник генерал Малышкин считает, что мы должны продолжать делать ставку на американцев, следовательно, никакими побегами настраивать их против нас не положено.

В начале августа – приказ срочно собираться в путь. Новая трёпка нервов: не готовится ли выдача? Мысль о передаче в руки карающих советских властей никогда нас не покидает. Узнаём, что в дорогу собираются все жители лагеря, успокаиваемся.

Нас грузят в железнодорожный эшелон. Поезд движется по западному направлению. На одной из станций Георгий Николаевич Жиленков решает бежать. Побег особых затруднений не представляет, но, ссылаясь на то, что еще не все наши надежды потеряны, Вильфрид Карлович Штрик-Штрифельд от этого поступка его отговаривает.

Поздно вечером, в тот же день, нас выгружают на станции города Манхайм и перевозят в посёлок Секкенхайм. Всех привезенных узников помещают в большие казармы, предназначенные для сухопутных войск, они состоят из нескольких каменных трёхэтажных помещений, каждое из них делится на палаты с вместимостью взвода. Для низшего командного состава, сооружены отдельные комнаты на четыре человека. В каждом здании, также сооружены все удобства гигиены. Общая столовая в отдельной постройке.

По непонятным причинам русскую группу дробят на части. Я попадаю в общество, состоящее исключительно из немцев. Все они, как один, из «бывших». Смотрят они на меня с подозрением, вероятно, думают, что я засланный американский шпион.

Благодаря усердному ходатайству моих соотечественников, меня включают в их группу. Блок, в котором содержатся русские, на привилегированном положении, и питание в нём немного лучше, но мне, хронически голодающему со дня пребывания в Германию, все же утолить голод так и не удаётся.

Кроме четырёх фельдмаршалов в нашем блоке живет знать «Третьего Рейха». В коридорах, в умывальнике, или в прилегающем прогулочном дворике, сталкиваемся со знаменитым авиаконструктором Вильгельмом Мессершмидтом, Гофманом, личным фотографом фюрера, с бывшим военным министром Бломбергом и со многими другими заправилами нацистской Германии.

Наша группа размещена в одной палате. Исключением являются Штрик-Штрифельд, Юнг, Шалаев и я. Все мы, недавно отделённые от наших соотечественников, при соединении с ними были помещены в соседнюю, меньших размеров комнату.

Общение между всеми жителями нашего здания не запрещается. Гуляем по дворику, играем в шахматы. Беседуем со всеми желающими познакомиться с нами русскими, с которыми во время войны откровенничать было нацистами воспрещено. Переводчиками между нашим начальством и

немцами, (почти исключительно с военными) служат трое из нас, владеющие немецким языком: Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельд, Игорь Леонидович Юнг и я. Разговоры самые откровенные, как со стороны немцев, так и с, русской стороны. Все мы пользуемся случаем, чтобы высказать то, что за время войны накипело на душе.

Мое белоэмигрантское происхождение вызывает у военных ряд особых вопросов, например, как оценивает русская «белая эмиграция» политическую деятельность Русского Освободительного Движения, и возможно ли было политическое сближение между бывшими противниками Гражданской Войны? Откровенно отвечаю, что, принимая во внимание политическое дробление белой эмиграции на множество течений, от правых, абсолютных монархистов, до левых меньшевиков, единого мнения на этот вопрос у русской эмиграции быть, не могло.

Особенно томительно тянетсѧ вечернее время, когда в ожидании ночи, от нечего делать невольно задумываешься о несбытных надеждах, о печальной участи нашего народа, о погибших друзьях и, наконец, о личной незавидной судьбе. В палате царит гробовая тишина, только изредка кто-то из нас тихо, глубоко вздыхает...

С горечью вспоминаю нерадостное детство, юношеские и отроческие годы, прожитые в чужих, неприветливых, иногда враждебно настроенных к русским беженцам странах. Вспоминаю как, находясь на положении нежеланного изгнанника, я свято хранил в своей молодой душе, чувство беспредельной любви и принадлежности к матушке России. Вспоминаю мою безграничную любовь к ее необъятным просторам, к душу раздирающим, бесподобным русским песням. Не покидает и жгучая мысль о горячо любимом русском закабалённом народе...

С началом войны я, наконец, нашёл применение своим силам на благо своего Отечества. В столице врага, несмотря на беспрерывно грозящую опасность, я свято исполнял задания двух подпольных организаций. Мучительно думать о пережитых страданиях после ареста в руках Гестапо. Без содрогания не могу думать не только о личных пытках, но и об истязаниях и казнях моих соотечественников, состоявшихся при моём принудительном присутствии.

Не проходит дня без мыслей о моём погибшем в немецком концлагере друге и учителе докторе Николае Митрофановиче Сергееве, личным примером, научившим меня как необходимо, энергично, бесстрашно действовать, и помимо исполнения приказаний начальников, проявляя личную инициативу, не взирая на опасность, значительно расширить рамки беспредельного служения бедствующему нашему народу.

Чудом, вырвавшись из нацистской неволи, я стремлюсь найти новые пути борьбы. Скрываюсь от сыщиков Гестапо, спешно покидаю столицу врага, записываюсь на курсы в Офицерское Училище РОА. На курсы попадаю с опозданием, но, тем не менее, успешно их оканчиваю. В последние дни войны добровольно соглашаюсь исполнить секретное поручение, при исполнении которого, вторично лишаюсь свободы.

- А при выдаче в руки «Смерша», как же, ты встретишь преданного сына своего, Россия? – позорным приговором к смертной казни, или к ссылке на долгий срок принудительных «воспитательных» каторжных работ? Сломить, или перевоспитать меня на марксистский лад вряд ли удастся, но, смерть, безоговорочную и окончательную, пусть даже и мучительную, я предпочитаю насильтственному сотрудничеству с презираемым идеологическим врагом...

Повинуясь нашим настойчивым просьбам, Василий Фёдорович Малышкин по вечерам, иногда декламирует стихи. Его колоссальная память вмещает не только произведения его возлюбленного друга Сергея Есенина, но также и многих других выдающихся отечественных поэтов. Декламатор он бесподобный. Даже раньше не привлекающие моего внимания произведения в его исполнении приобретают особую окраску и новый захватывающий смысл. Не без излишней скромности он оповестил нас о том, что сам Сережа Есенин признался ему: - Дорогой Василий Фёдорович, хотелось бы мне быть в состоянии декламировать мои стихи так же выразительно, как это удаётся тебе!

Самая популярная во время войны у нас была поэма – «Скифы!» Выпрямившись во весь рост, с распущенной на голове седой вьющейся шевелюрой, подобно мудрому пророку, отчётливо чеканя каждое предложение, декламатор произносит пророческие предсказания любимого поэта.

Каждая отдельная мысль, выражает ли она безграничную любовь или вероломный, способный на самоуничтожение гнев, бросает всех нас очарованных слушателей, с одной «скифской» крайности в другую...

В один из литературных вечеров Василий Фёдорович рассказал нам о своей службе начальником штаба «Забайкальского Военного Округа», а затем и начальником «Штаба 57-го Особого Корпуса». В середине 1938 года его срочно вызвали в Москву. Сослуживцы ему устроили проводы. Командующий Военным Округом, впоследствии произведенный во время 2-ой Мировой войны в Маршалы Советского Союза, в конце прощального слова сказал:

-Ну вот, дорогой Василий Фёдорович, вызывает тебя ставка. Уверен я, что ожидает тебя повышение по службе. Рады, дорогой, за тебя. Уверен я, что твоя работа при Генеральном Штабе будет так же успешна, как она была здесь, на Дальнем Востоке! Желаем тебе полного счастья и успеха! Не забывай же и нас, твоих провинциальных сослуживцев и товарищей!

- Товарищей по службе я, конечно, не забыл. С некоторыми во время войны, по делам службы, даже удалось встречать, но, по прибытии в Москву, еще на вокзале, я был неожиданно арестован сыщиками НКВД.

На этом Василий Фёдорович прервал свои воспоминания. Никто из нас вопросов задавать не решился. Но, от Коля мне уже было известно, чем обошлось ни в чём не повинному, заслуженному комбригу его 14-ти месячное заключение на «Лубянке».

Малышкина заточили в одиночную, выкрашенную известью камеру. Когда обыкновенными допросами признания в вине не было достигнуто, сыщики стали его пытать. Кормили его почти исключительно высохшей солёной рыбой. Воды, почти, не давали. Изнемогая, от жажды, несчастный заключённый по утрам, с запотевшей стены, слизывал осадки испарений. Растигивал он «удовольствие» пока, днем, повышенная температура камеры не испаряла этот, единственный источник влаги. От соприкосновения с известью, распухал язык. Испытываемая физическая боль увеличивала и так нестерпимые душевные мучения заключённого.

В октябре 1939-го года, неповинному, отказавшемуся от признания в измене родины арестанту, взамен выбитых, при допросах зубов, вставили стальные зубы. Восстановив его прежнее военное звание комбрига, следственные органы приказали Малышкину верой и правдой продолжать служить советской власти.

Исполняя должность Начальника Штаба 19-ой Армии, Малышкин, в октябре 1941-го года, вблизи города Вязьмы, попадает в окружение и плен.

Выдающаяся деятельность генерала Малышкина в рядах зарождающейся Русской Освободительной Армии, а также и в не меньшей степени в Русском Освободительном Движении, всесторонне освещена в зарубежной мемуарной литературе. Мало известна лишь его руководящая роль при переговорах с американскими военными властями в конце 2-ой Мировой войны. Так как документы, касающиеся этой миссии, до сих пор опубликованию не подвергаются, то самоотверженная деятельность генерала Малышкина, в этой отрасли, пока к доскональному изучению и оценке американскими властями не допущена.

Не менее красочно из нашей среды выделялся генерал-лейтенант Георгий Николаевич Жиленков. Несмотря на сравнительно молодой возраст, он достиг, не только на родине, но также и в рядах Освободительного Движения высших руководящих должностей. Коля мне рассказывал, что в годы военного коммунизма и колLECTivизации Жиленков испытал на своих плечах все трудности жизни беспризорного.

О своём прошлом и происхождении он никогда не рассказывал. Но его изысканная внешность и врождённые манеры давали повод предполагать его непролетарское происхождение. Хотя и не отличаясь высоким ростом, он выделялся своей внешней красотой, манерами и умением красиво носить военную форму. Не менее заметным являлось и его никогда не унывающее расположение духа. Жиленков был непревзойдённым на все руки мастером, к тому же, с внушительным талантом к изобретениям. Еще с первых дней нашего заключения, найдя на чердаке поломанную походную койку, он занялся из нее сооружать ранец. Изделие у него вышло превосходным, с личными новшествами, с неизвестными, в те времена - твёрдой рамкой и поясом. В промышленности подобного рода ранцы появились только через несколько лет

О будущем Георгий Николаевич вслух никогда не высказывался, но от него всегда веяло заразительным, ничем не погашаемым, оптимизмом и энергией. Но, несмотря на своё высокое военное звание генерал-лейтенанта, предводительство нашей русской группой он уступал Василию Фёдоровичу Малышкину.

Из остальных офицеров нашей группы самым приветливым был полковник Риль. Низкого роста, худощавый, с безукоризненной выпрямкой кадрового офицера, никогда не падающим духом, он своим бодрым поведением, часто заражал тех из нас, кто временно впадал в уныние.

Капитан «Вермахта» Вильфрид Карлович Штрихфельд - офицер, вернее, рыцарь в лучшем смысле этого слова, сумел на протяжении всей своей жизни, честно и самоотверженно служить двум враждующим «родинам» Германии и России.

Вильфрид Карлович - происхождением из прибалтийских немцев. Вырос он в Санкт-Петербурге, где получил среднее образование. Во время первой Мировой войны он добровольцем вступил в ряды Императорской русской армии, в которой, дослужился до офицерского чина. Во время Гражданской войны он участвовал в освободительной борьбе на стороне Белой армии на западном фронте России.

Во время коллективизации он работал по мандату Международного Красного Креста и «Нансеновской» службы по оказанию помощи голодающим в СССР. После получения высшего образования в Риге он служил несколько лет представителем германских и английских коммерческих предприятий.

Во время 2-ой Мировой войны исчерпывающее знания русского языка помогает ему выдвинуться на ответственные должности в рядах Вермахта. Связавшись с сослуживцами, офицерами-единомышленниками, он всеми мерами стремился переубедить влиятельных лиц правительства и вооружённых сил Германии в необходимости привлечения, на положение полноправного союзника всех россиян, стремящихся включиться в вооружённую борьбу против ненавистной коммунистической власти.

Даже при окончании войны, Русское Освободительное Движение не обошлось без помощи этого преданного друга нашему Освободительному Движению. В качестве переводчика, сопровождая уполномоченного на переговоры генерала Малышкина, расставшись с семьей, он оказывает Движению, ещё одну неоценимую услугу. Его продолжительное заключение, в том числе и в одиночной камере в лагере «Оберурзель», им, досконально описано в его воспоминаниях – «Против Сталина и Гитлера». Можно с уверенностью утверждать, что без участия Вильфрида Карловича, без его бескорыстной деятельности Российского Освободительного Движения во время 2-ой Мировой войны русским патриотам создать бы не удалось...

Терпимым условиям заключения в лагере «Секкенхайм» неожиданно пришёл конец. В начале октября 1945-го года шестерым из нашей группы - Малышкину, Жиленкову, Кардакову, Рилю, Денисову и Лапину было приказано, срочно собрав все личные вещи, быть готовым к предстоящему переезду на новое место заключения.

Молниеносно новость распространилась по всему лагерю: русских выдают!!! Неописуемое всеобщее возмущение от фельдмаршалов до денциков! Фельдмаршалы Лист, Вайхс и генерал-полковник Гудериан в присутствии почти всего лагеря высказывают начальству решительный протест. Молодой американец стремится их успокоить, твердит, что о выдаче нет и речи. Так, мол, американцы не поступают. Вызванных офицеров всего лишь перевозят в другое место заключения.

Многие знакомые заключённые приходят прощаться, желают уезжающим русским пленным полного благополучия. Штрик-Штрикфельд, Юнг, Шелаев и я поочерёдно, прощаемся с отезжающими товарищами. При прощании с Колей я дарю ему свою трубочку-мундштук. При каждой закурке вспоминай, милый Коля о преданном друге своём! Во время прощания с Василием Фёдоровичем, которого за время нашего заключения я так безгранично полюбил, с трудом сдерживаю слёзы. В последний раз, всматриваясь в его добрые, голубые, печальные глаза, троекратно его целую, и, украдкой, по русскому старому обычаю, - благословляю.

Отезжающих приветствуют сотни машущих рук.

Каждый из нас, оставленных в лагере Секенхайме, испытывают трудно выражаемые чувства. Деление властями нашей группы, нам непонятно. Все мы, хотя своими мыслями не делимся,

подозреваем, что нам больше никогда и нигде со своими дорогими соратниками встретиться не суждено.

Через два дня, на этот раз втихомолку дабы заново не возбуждать население лагеря, грузят в автомашины и нас - четверых.

К вечеру нас привезли к новому месту заключения. Лагерь УСС США при mestечке «Оберурзель» расположен в двадцати километрах от «Франкфурта-на-Майне».

Во время нацистского господства этот лагерь предназначался для временного содержания и допросов американских лётчиков. После попытки извлечения из плленных интересующих разведку данных, их отправляли в лагеря военнопленных.

Лагерь состоит из ряда деревянных бараков, выстроенных в форме буквы «ш». Внутри барака по обе стороны коридора сооружены одиночные камеры размером в три шага на полтора. В эту крошечную площадь, оставляя место для узкого прохода, можно было с трудом вместить деревянные нарты. Особым удобством являлось зарешеченное, состоящее из мутного стекла комнатного размера, запертое особым ключом окно.

Сбоку от входной двери – рычаг. При нажиме на него со стороны коридора выпадал красный металлический флагжок, сигнализирующий дежурному о необходимости заключенного в срочной надобности посещения туалета.

В пределах лагеря также были выстроены и дополнительные двухэтажные помещения, но во время приезда в сумерках, детального их рассмотрения мне не удалось.

Во время обыска у меня отбирают почти все личные вещи. Приходится мне расстаться и с ручными часами. Фотограф снимает с меня в анфас и профиль. Обращение грубое, как с уголовным преступником! Ложусь на верхний этаж нар, долго не могу заснуть. Тяготит мысль, - чем объяснить побуждение американских властей, превративших меня из добровольно прибывшего к ним парламентёра в какого-то преступника.

Режим в лагере невероятно строг и не только наказывающий, но также и унижающий. Утреннюю тишину прерывают звуки трубача, играющего зарю. Узников по одному дежурный ведёт в уборную. При помощи единственного в их распоряжении сосуда - умывального сосуда, заключённый, в ограниченный срок из крана должен набрать воды и без мыла вымыться. Быстро оправившись и по другим физическим потребностям, наполнив сосуд водой, ускоренным темпом он возвращается в свою камеру. Этот принесенный запас воды, в течение суток, из-за неимения иного сосуда служит заключённому не только для утоления жажды, но также и для стирки белья...

Кормят «ревнители демократических прав» человека очень скрупульно, к тому же лишь дважды в сутки. Утром стража выдаёт чашку кофе, грамм сто хлеба с ничтожным кусочком мармелада или масла. Следующие восемь часов, голодный узник, нетерпеливо, думая только о еде, мучительно ожидает очередную выдачу пищи.

Вечернее питание состоит из двух ложек картофельного пюре, такого же ничтожного количества кукурузных зёрен или иного овощного питания и смехотворного количества тушёнки. Вечерняя еда также сопровождается кружкой кофе и ломтём американского хлеба. По-видимому, по непонятным причинам, я нахожусь в строжайшем режиме тюремной изоляции и наказания. Не только о прогулке, но даже о посещении душа мне категорически отказано.

Раз в неделю хмурый, неприветливый сержант выдаёт пачку сигарет. Так как каждую сигарету я растягиваю на три раза, спичек, хотя и разделенных при помощи бритвенного лезвия пополам, не хватает. На мою просьбу выдать мне дополнительную книжечку картонных спичек, сержант ответом себя не затрудняет. Беспрестанно мучает голод, читать нечего не выдают, заняться нечем. Подобного рода заключение является неописуемой, не прекращающейся моральной пыткой.

Прилегающая камера, по-видимому, была оборудована под душ. Вероятно, им никто не пользуется. Нуждающийся в починке кран через головку душа беспрерывно роняет очередную каплю воды. Ее падение в образованную в цементном полу выемку сопровождается резким, раздражительным звуком. При условии мёртвой тишины камеры отвлечь внимание от него, невозможно. Каждое падение капли настойчиво твердит о бесконечности моего наказания. С ужасом вычитываю, что только в течение одного часа мне предназначено вытерпеть не менее тысячи раз этих изнуряющих капельных падений. А из скольких, же мучительных часов состоит моё незаслуженное наказание?

Вскоре раздражающее ощущение вызывает беспрерывно возрастающую головную боль. Через сутки едва сдерживаюсь от вопля благим матом. Вспоминаю, что именно подобными мерами, к тому же, непосредственно капая жертве на лоб, пытали Степана Разина!

Через неделю ко мне в камеру явились два стражника. Они иронически спросили, не помешался ли я. Переводя меня в другое место, они саркастически извещают меня, что я стал владельцем рекорда по психической выдержке, так как предыдущий «чемпион» не смог вытерпеть пытку более четырех дней. Перед затвором двери один из тюремщиков задаёт мне вопрос:

- Скажи, «эсесовская» собака, скольких ты невинных жертв на тот свет отправил?

Спорить с ними и оправдываться, что я не являюсь ни «эсесовской», ни какой-либо иной собакой я не стал. По-видимому, иначе, в таком молодом возрасте, как в моем, по их мнению, быть достойным заточения в этом лагере, было бы невозможно.

Новое место заключения, кроме отсутствия изнурительных звуков, ничем не отличается от предыдущего. Раз в неделю заходит сержант и задает вопрос, здоров ли я и не нуждаюсь ли в медицинской помощи! После двухмесячного пребывания в одиночном заключении, без единого выхода на свежий воздух, стремлюсь вырваться наружу любым путём. Показываю стражнику распухшую кисть правой руки. Узнав, что запущенное ранение было мне нанесено еще во время войны, при заключении в нацистском лагере, сержант немедленно устраивает мой перевод в немецкий военный лазарет.

Лазарет помещён в замке, принадлежавшем до войны принцессе Люксенбургской. Фасад этого здания на склоне возвышенности обращён в направление утопающей в зелени долины, в которой виднеется живописный курортный городок Кёнигштайн. Левее от него, на холмике, возвышаются руины башни средневекового замка. Не менее живописной выглядит картина на противоположной стороне здания.

Лазарет, хотя и находился на военнопленном положении, никем не охранялся. Куда мог раненый в те времена бежать? Во всей побеждённой, разрушенной бомбёжками Германии царил полу голод, а в лазарете, хотя впроголодь, но все же регулярно кормят.

Главному врачу, немцу, при моем появлении было приказано держать меня взаперти, в отдельной палате, на верхнем этаже госпиталя. К тому же, ни в коем случае, в уборную и умывальню, без сопровождения ординарцем, меня ни в коем случае не пускать.

Но не успел я войти в палату, как в нее вбежал взволнованный врач. Представляясь, он объявил, что он является «стационарным» (этажным) начальником врачом – оберштабсарцем Хорнеком.

Представьте, что от меня требуют американцы! - Хотя они и велят вас держать взаперти, подобным приказанием, подчиняться я не стану. - Чувствуйте себя здесь как у себя дома, улыбаясь, говорит приветливый доктор. - В этой ужасной войне, всем нам пришлось многое перенести, особенно вам русским. Я даже не стану унижать вас, требуя слова офицера, что вы не воспользуетесь представленной мной свободой для совершения побега. Располагайте своим временем, как найдёте нужным. Берите для прочтения книги в нашей библиотеке. Если пожелаете, в любое время дня, гуляйте в соседнем саду. Единственно, прошу вас соблюдать вечерний час и возвращаться в помещения лазарета до запирания входной двери!

В тот же вечер ко мне зашел познакомиться молодой врач лет 25-ти. Он сообщил мне, что, несмотря на то, что медицинское образование из-за мобилизации в армию закончить он не успел, тем не менее, в этом лазарете исполнял должность помощника доктора Хорнека.

На следующее утро после короткого осмотра моей поврежденной руки было докторами решено оперировать ее вне очереди на следующий день. Причина подобной спешки, объясняет мне доктор, вызвана приказанием американцев, произвести лечение в рекордный срок.

Но вы не унывайте, мой дорогой, говорит молодой врач. - Мы вскоре, досконально осмотрим вас и, непременно найдем причину для продолжительной задержки вас в нашем госпитале.

После обеда я был, подвергнут самому подробному медицинскому осмотру. Через неделю, накануне снятия швов и гипса с моей руки молодой заместитель оповестил меня, что по телефону американцы справлялись о прогрессе моего лечения, стремились установить, когда следует им прислать за мной машину.

- Но вы не беспокойтесь, доктор Хорнек вас отстоял.

- Неужели? На каких же это обстоятельствах? – спрашивала я.

- На том, - замявшись, отвечает мой собеседник, - что вас еще нужно долго лечить. Заразные болезни очень пугают гигиенических американцев.

- А чем, если это не секрет, я заражён?

- Да вы не беспокойтесь. Даю вам слово, что мы вас вылечим.! Задержим вас здесь в лазарете на несколько недель и окончательно вылечим. Вам же, у нас приятней жить, чем в условиях тюремного заключения?

- Конечно, об этом не может быть сравнения! Но всё же доктор, прошу вас не скрывать от меня, - чем я болен!

- Туберкулёзом, - пониженным тоном сообщает смущившийся доктор.

- Туберкулёзом, - повторяю я, - не может быть! Вы ошибаетесь!

- Да что вы волнуетесь? Обещал же я вам, что из нашего лазарета вы выйдете вполне здоровым. Уверяю, что даже врача не смогут в будущем установить, что вы когда-либо болели лёгочными заболеваниями. К тому же, поймите же, что нам удастся вас здесь надолго задержать! Понимаете, надолго!

На следующий день во время медицинского визита, рассматривая принесенный сестрой рентгеновский снимок, во всеуслышание, доктор Хорнек подтвердил вчерашний диагноз.- Так как стадия болезни не находится в заразительно степени, изоляция пациента не предвидится.

- Есть ли у вас какие-нибудь вопросы? – обращаясь ко мне, спрашивает доктор.

- Вопросов нет, господин «oberstabsarzt», - отвечаю я, – разрешите лишь поблагодарить вас за ваше чуткое внимание и заботу.

- Пустяки, говорит он, - в этом и заключается основная часть работы врача.

На протяжении следующих недель, по словам молодого врача, о моём выздоровлении несколько раз осведомлялись американцы.

- Каждый раз нам удавалось их запугать тем, что ваша болезнь заразна и, что ваше возвращение в тюрьму не будет нами подтверждено свидетельством о вашем выздоровлении.

Как ни странно, несмотря на проигранную войну и полную разруху страны, лазарет продолжает успешно действовать и даже пользоваться у победителей профессиональным авторитетом.

Каждый военнопленный продолжает получать месячное жалование. Бухгалтер вручает обесцененные марки и мне. На них мало, что можно купить, разве только конверт и почтовые марки. Благодаря помощи медсестры, связываюсь с внешним миром. Удаётся узнать о существовании лагерей для перемещенных лиц – «ДП». Пишу своим знакомым.

Лагерь «Менхегоф» расположен на севере американской зоны оккупации, около города «Касселя». Узнаю, что в нём, в администрации, занимают ответственные должности некоторые мои знакомые. Пишу самому близкому другу – Михаилу Леонидовичу Ольгскому. Описываю свое, незавидное положение. Прошу его, если возможно, помочь мне питанием и куревом. Спустя нескольких дней ординарец сообщает мне, что меня пришли навестить два незнакомца.

Старший из них, доктор Александр Рудольфович Трушнович, тот, что помоложе – Владимир Яковлевич Горачек. Отойдя подальше от посторонних, Александр Рудольфович пониженным тоном знакомит меня с причиной его приезда.

- Мы прибыли, чтобы помочь вам совершить побег. Вблизи в лесу стоит машина. В ней для вас подготовлена штатская одежда и документы. Сколько времени потребуется вам, чтобы собрать вещи и незаметно, выйти из лазарета? – спрашивает доктор Трушнович.

- Бежать отсюда я не могу. Кратко рассказываю об исключительно гуманном отношении ко мне со стороны этажного врача, о предоставлении мне, на его ответственность, полной свободы. Сообщаю, что за мой побег, наказан, будет тот человек, который уверовал в мою порядочность.

- Нет, отвечаю я, - так поступить я не могу. Сердечно благодарю вас за ваши хлопоты и старания!

- Ну, что же, препятствовать мы вам, Володя, не имеем права. Ваша воля! Поступайте, как находите нужным. Примите всё же во внимание, что вас ожидает в будущем. По-видимому, вам не известно, что западные союзники беспрерывно выдают членов «Освободительной Армии», а также и Казачьих частей. Подобной участи можете подвернуться и вы. С вашим статусом сына политического эмигранта они редко считаются.

- Дело не в моей судьбе, а в моей совести. Если мне придётся поступить, иначе чем решил, то я предам все те принципы, во имя которых я боролся.

- Ну, что же дорогой, прощайте! Есть ли у вас какие-либо просьбы или пожелания?
- От всей души, благодарю вас за приезд. Также, передайте, пожалуйста, всем друзьям, привет. В первую очередь, поблагодарите, Михаил Леонидовича за то, что он откликнулся на мою просьбу!

На следующий день за мной прибывает тюремная стража и, несмотря на энергичный протест доктора, возвращает меня в лагерь.

В машине, около меня, села маленьского роста женщина. Несмотря на то, что, по всем признакам, она, также как и я, являлась арестованной, тем не менее, она находилась в самом приветливом, веселом расположении духа. Расспросив меня - кем являюсь я, она, в свою очередь представляет себя:

- Я, - Ханна Райх, сообщает она. Эта знаменитая фамилия была известна всей Германии. Ханна Райх, - знаменитый лётчик-испытатель. За свои героические подвиги, она удостоилась высочайших военных наград.

Ханна Райх ни на минуту не прекращает со мной разговора, тем самым не даёт мне возможности обдумать, где и как, во время этой поездки, совершить побег.

Не проходит и двадцати минут, - машина у ворот лагеря. Прощай, может быть, последняя возможность побега!

Номер моей новой камеры – 13-й. Окно выходит на юг. За высокой проволочной изгородью видна, покрытая травой лужайка. За ней - обросшая лесным молодняком холмистая местность. Стены камеры исписаны надписями на английском языке. Многие из них, без сомнения, когда-то представляли немалый интерес опрашивающим сыщикам немецкой контрразведки.

В свободном неиспользованном уголке нахожу современный календарь. Последний, не зачекнутый (прожитый в этой камере) день, - позавчера! Под нарами нахожу и узнаю вещи полковника Кардакова. Задумываюсь, не опоздал ли я к выдаче менее чем на два дня. Мысленно благодарю доктора Хорнека, его помощника, имя которого вспомнить не могу, весь, без исключения обслуживающий персонал лазарета, оказавший мне более чем гуманное отношение. Подозреваю, что благодаря болезни и моей задержки в госпитале я избежал выдачи.

Вблизи моей камеры находится умывальник и уборная. Хотя его вместительность рассчитана на несколько посетителей, но арестованных туда водят поодиночке. Иногда, особенно по вечерам после отбоя, это правило стражей нарушается. Посещение умывальника было особенно важным происшествием в жизни заключённого. Физиологические нужды пленных стража часто игнорировала, часами. Вероятно, ей было дано строгое наставление, что им суждено охранять опасных военных преступников. Иначе ничем невозможно объяснить поведение американского солдата с наслаждением издевающегося над пленными. Излюбленная забава скучающей стражи заключалась в бросании под ноги арестованного окурок сигареты. С первого дня заключения, еще во время войны в немецком заточении, я дал себе слово, что ничего поднимать с земли не стану. Когда в первый раз моего посещения умывальника, под мои ноги был брошен окурок, я, набрав в умывальный сосуд воды, смыл его в водосток.

- Ты что не куришь, что ли? – послышался грубый возглас тюремщика.

- Нет, курю, но подбирианием ваших окурков вам, солдатам, здесь потехи устраивать я не намерен. Через час в едва приоткрытую дверь моей камеры была брошена пачка сигарет и книжечка картонных спичек. По-видимому, тот факт, что заключённый камеры № 13 окурков с пола не поднимал, мгновенно стал известен всему составу стражи и с тех пор подобным поступком никто меня не унижал.

Однажды, поздно вечером, одновременно со мной в туалет был выведен мой сосед из прилегающей камеры №14. Он был очень высокого роста. Несмотря на летнее время года ноги его были обуты в тяжёлые лыжные ботинки. Левая щека незнакомца была изуродована длинным шрамом. И правка и внешность выдавали его за высокого звания военного начальника.

Внимательно осмотрев меня с головы до ног, и по всей вероятности приняв меня за однокашника, обращаясь ко мне на «ты», он спрашивал, сохранились ли у меня использованные лезвия безопасной бритвы. Каждую неделю арестованным выдавалось по одному лезвию. Так как в неволе, заключёнными ничего не выбрасывалось, то у меня, их накопилось довольно много.

Выслушав мой положительный ответ, он приказывает мне при следующем посещении умывальной запрятать мои бритвы в указанном им месте. У заключенных всего мира существует

нечто вроде круговой поруки, если возможно, при любых условиях, помогать товарищу по несчастью. Долго не задумываясь, я исполнил его просьбу.

Проходит несколько дней. В ночной тишине, через деревянную, тонкую, междукамерную стену, часто были слышны трудно определяемые звуки. Однажды ночью разыгралась сильная буря, Беспрестанно гремел гром, где-то вблизи ударила молния. Ливень без остановки лил как из ведра. В разгар бури, из соседней камеры, послышался громкий треск. К утру, буря затихла. Когда исчезновение моего соседа было обнаружено, последовал обыск прилегающих камер. При допросе охрана винит меня за мое молчание. Отговариваюсь тем, что при разыгравшейся грозе вряд ли можно различить произведенный при побеге шум.

Стража переводит меня в другую камеру, на этот раз с окном, выходящим на внутренний двор. В матрасе верхней нары нахожу запрятанные обломки досок. При внимательном осмотре внешней стены, обнаруживаю почти законченный, пролом стены. Что делать? Подозреваю, что помещение меня в эту камеру, является ни что иное, как проверка данных мной показаний, после совершившегося побега.

Нажимаю на рычаг фляжка. Чуть ли не мгновенно, дверь отворена. За ней появляется стража. Без лишних объяснений указываю на улики готовящегося побега. Вновь тревога. Меня выталкивают в коридор и помещают в соседнюю камеру.

Вскоре слышу как под грубые повелительные выкрики стражи, из одной из ближайших камер кого-то насильно вытаскивают. Узник, по всей вероятности, усиленно сопротивляется. Стража там же в коридоре его беспощадно, избивает, он же кричит неистовым голосом. Сколько раз в тюрьмах и лагерях «Третьего Рейха» приходилось мне слышать подобные, душу раздирающие вопли! Неужели и представители западных держав способны на подобное варварство! Всем своим существом сознаю, что виновником избиения являюсь я. Не помогает и самооправдание, что поступить иначе я не мог. – А может быть, и мог? - подсказывает неугомонная совесть. А может быть, было бы лучше промолчать? Чувствую, что я до такой степени физически и умственно ослабел, что даже стал плохо соображать.

На следующее утро при помощи выдёрнутого из нар гвоздя, отворив окно, замечаю, что оно обращено в направлении внутреннего дворика. В единственном открытом окне вижу приветливо улыбающееся лицо пожилого человека.

Хотя стражи не видно, но в разговор вступить мы не решаемся. Указывая пальцем на себя, на стекле окна вырисовываю латинскими буквами своё имя, – Владимир. Мой собеседник, понимающе кивает головой и, в свою очередь, выводит кириллицей на своём окне: - Вы русский? На протяжении следующих дней мы основательно знакомимся. Майор Радованович офицер Югославянской королевской армии. Войну он провёл в партизанах (Четниках), служа в качестве приближённого к Главнокомандующему – Драже Михайловичу.

Не прошло и недели, как, без каких либо объяснений, на двери моей камеры карточка означающая «строгую изоляцию» заключённого, была заменена иной. В тот же день, впервые меня выводят на прогулку. С радостью встречаюсь с майором и с его адъютантом. Основательней знакомимся. Находим общих знакомых и убеждаемся, что мы одинаковых политических убеждений и взглядов.

Оказывается, что майор не только хорошо знаком с Председателем НТС, - В.М. Байдаковым но также и с А.П. Столыпиным, - также и моим знакомым..

На прогулках ни с кем из нашей группы я не встречаюсь. Часто задумываюсь: где же Вы, дорогой Василий Федорович, и Ты, мой милый друг Коля?

Ко мне стал заходить заведующий тюремным складом немецких книг, тема которых, главным образом, касалась описания туземных заграничных путешествий в конце минувшего столетия. Чтение этих книг, и еженедельные прогулки на свежем воздухе, значительно смягчают режим заключения, но изоляция в крошечной камере продолжает являться тяжело выносимой пыткой.

В конце июля месяца в мою камеру неожиданно вошёл майор. Проверив мою фамилию, он мне велел к следующему утру собрать свои вещи и быть готовым к отъезду.

Всю ночь я не смыкаю глаз! Неужели завтра предстоит моя выдача Советской власти? Вспоминаю наше заклинание – живыми в руки врага не сдаваться! А как же заблаговременно безошибочно установить факт выдачи и, главное, каким образом обезоруженному пленному

осуществить решающий, бесповоротный шаг самоубийства? На стене камеры выцарапываю: - Прощайте, милые друзья! Увозят! Володя Б. 23-7-46.

Рано утром во дворе лагеря, раскрыв папку с моими документами и сравнив меня с находящимися в ней фотоснимками, майор приказывает мне сесть возле него на заднее сидение. Около шофера лежит карабин. У майора в кобуре – крупнокалиберный Кольт.

Машина пускается в путь. Минуем город Франкфурт-на-Майне. По мерно извивающейся ленте автострады, на предельной скорости, то, взбираясь на вершину очередного холма, то, ныряя в утопающую в летней зелени долину, по северному направлению мчится машина. От свежего воздуха кружится голова.

Мои мысли о печальной судьбе, прерывает майор:

- О чём вы так сосредоточенно задумались, лейтенант?

- О чём же мне не задумываться, как не о предстоящей выдаче в руки большевиков?

- О чём вы говорите? Ведь перед выездом я подробно пояснил, что вам ничего не грозит, и что вы вскоре будете освобождены.

- Да, поясняли! Но в таком случае, ваше оружье, зачем держите наготове? Поражаюсь, до какой степени, в некоторых случаях ваши приёмы сходны с приёмами немецкой тайной полиции? Не в первый раз я слышу подобные, пояснительные слова. Так же как и вы, господин майор, два года тому назад для предотвращения моей попытки к побегу, во время переезда из концлагеря в Берлин, гестаповец уверял, что в столицу «рейха» он меня везёт для оформления моего освобождения от ареста. Однако и тогда никакого освобождения не последовало.

- Неужели вы были арестованы «Гестапо», находились в заключении в немецком концлагере? – спросил удивлённый майор. - За что же оно вас арестовало?

- Да за то, за что и вы, западные союзники, арестовываете нас, - русских борцов за свободу, длительное время держите в заключении, не считаясь с вашими «торжественными декларациями» о правах человека, и, наконец, выдаёте нас в руки советской власти.

- Прежде чем осуждать и винить нас, ответьте кто вы, когда, и при каких обстоятельствах вы были преследуемы «Гестапо»!

- Отец мой генерал времён «Первой мировой» и «Гражданской» войн. По происхождению мой род - Донские казаки. Из оккупированной немцами Франции я был вывезен в Германию. В Берлине я вступил в ряды двух подпольных русских антикоммунистических организаций. Кроме того, по собственной инициативе, активно помогал стремившимся бежать из немецкой неволи.

- В середине июля 1944-го года я был арестован по делу подпольного «Национально Трудового Союза». При обыске следователь обнаружил улики, доказывающие мою принадлежность к юношеской нелегальной организации - «Национальной Организации Русских Разведчиков». Желая выслужиться перед начальством, следователь упорно применял все возможные меры, чтобы выпытать имена и местонахождение главных руководителей этой организации. Чем больше он упорствовал, тем больше я сопротивлялся. После каждой очередной неудачной серии допросов, в стремлении все же сломить мое упорство, степень моего наказания увеличивалась. Моё неповинование послужило причиной поочередного заключения в лагере максимальной степени наказания - «Гроссбэрэн». Затем, - в изоляторе приговоренных к смертной казни в концлагере «Заксенхаузен». Но, не добившись от меня и на этот раз признания, следователь приказал заключить меня в крошечную, непроветриваемую камеру строгого, одиночного заключения.

- Благодаря административной путанице, меня ошибочно выпустили из тюрьмы. Опасаясь возможного, очередного ареста, при помощи друзей, я покидаю Берлин, а через неделю вновь включаюсь в борьбу, на этот раз в рядах «Русской Освободительной Армии».

К вам, американцам, господин майор, я прибыл в качестве парламентера, притом, не как сдающиеся враг, а как единомышленник и представитель тех русских людей, которые во время войны пытались избавиться от ненавистной диктатуры и приобрести своему народу свободу.

Майор долго пристально глядел на меня.

- Между вступившими на борьбу на стороне немцев, и нашими борцами за свободу – громадная разница. Союз с врагами вашей родины история вам не простит!

- Положим, история в будущем многие «грехи» прощать не будет, - отвечаю я. – История беспристрастно оценивает нравственное поведение не только побеждённых, но так же и победи-

телей. Не надейтесь, господин майор, что политическая беспринципность ваших демократических вождей во время минувшей войны историей не будет осуждена. Вы только что упомянули о безнравственности вступления в союз с диктаторской властью. Не с подобной ли, антинародной властью, ради политической выгоды, вступили и вы – американцы и англичане, в союз с СССР? Не менее объективно, оценит история и ваш послевоенный отказ от принципа безоговорочного признания прав человека и обещания представления политического убежища любому угнетённому человеку. Чем объяснить подобный радикальный отказ от ваших принципиальных, моральных установок? Неужели и вами воспринят марксистский принцип, что «цель оправдывает средства»?

- Предполагаю, что ваше нынешнее преклонение перед советской властью вызвано восхищением перед ее героической, победоносной армией; испытываете к ней уважение за пролитое море крови! Восторгаться вам нужно не перед достижением власти советов, насилием загнавшей народы России в совхозы и концлагеря. Не перед Советской властью вам надо преклоняться, а перед безграничной жертвенностью народов России!

Война, к тому же, была доведена на «Восточном фронте» до победного конца и по той причине, что беззаконие, коварство и варварство захватчика всегда тяжелее переносимо закабаленными народами, чем те же поступки, исходящие из так называемой «родной» власти.

Разница в поведении руководства «Русского Освободительного Движения» в сравнении с политическим поведением генералов Вашингтона и де Голля только в том, что ими была достигнута победа. Нам, русским, на этом этапе истории, добиться успеха не удалось. Но сомневаюсь, что и западными демократиями достигнута полная, неоспоримая победа! Неужели вашим вождям, политическими военным, не очевидно, что пока на белом свете будет продолжать существовать, хотя бы одна диктаторская, агрессивная, аморальная власть, мирной политической гармонии в мире установить невозможно!

- А как поступают советские власти с вашими единомышленниками? – меняет тему майор.

- Судя по тому, как они справлялись со своими политическими противниками в прошлом, предполагаю, что те из них, которые проявили себя инициаторами и руководителями движения, после показательных или закрытых судов будут казнены. Менее известные сподвижники будут так же ликвидированы, однако, втихомолку, чтобы народу не стал известен стихийный размер антикоммунистического движения. Оставленных живыми, сотням тысяч повстанцев выпадет самое невыносимое наказание. Где-нибудь в Заполярье, после долгих лет изнурительной каторги, они будут доведены до полного физического изнеможения, до состояния «доходяг» и медленной, мучительной смерти. Трагедия этих заключённых, значительно увеличится и тем фактом, что своим, хотя и невольным каторжным трудом, они помогут укрепить Советскую власть, и, тем самым, еще крепче закаблить несчастные народы России!

- Какой ужас, взволнованно воскликнул майор.

В полдень машина съехала с автострады. В придорожной военной базе был сделан привал. Майор и шофер поочередно ходили обедать. Ожидая возвращения шоferа, майор долго рассматривал мои документы, изредка поглядывал на меня. Потом, не дождавшись возвращения водителя машины, временно оставил меня без присмотра, вышел. Через приоткрытую дверь вижу, как он куда-то звонит по телефону. От появившейся возможности побега, удерживает какое то шестое чувство.

При возвращении майора, замечаю что строгое, сосредоточенное выражение его лица исчезло.

Набрав в колонке горючего, заново пускаемся в путь. Но, вместо въезда на автостраду, едем по улицам разрушенного города Касселя. Вскоре машина въезжает во двор лагеря. После недолгого посещения канцелярии, обращаясь ко мне, майор говорит:

- Вы находитесь в расположении распределительного лагеря организации «УНПРА». В нем временно живут на беженском положении бывшие насилием вывезенные в Германию рабочие. После проверки жители по принадлежности к разным национальностям распределяются по соответствующим лагерям. На ваш счет мною даны необходимые директивы. Допрашивать вас чиновники лагеря не должны. Ваши документы политического беженца будут скоро оформлены, и вы сможете, по своему усмотрению, быть переведены в русский лагерь. С данного момента считайте себя не военнопленным, а штатским гражданином.

После краткой паузы майор продолжал:

- Ну, прощайте, благодарю вас за откровенный разговор. Сожалею, что вам не удалось достичь намеченной цели! Желаю вам в жизни полного успеха!

- Скажите, майор, а, что же насчёт выдачи?

- Подобный вопрос, скажу откровенно, я от вас ожидал. Но нужен ли вам на него ответ? Природа не даровала вас ограниченным умом, - догадывайтесь сами! Могу лишь добавить, что вы сын белого политического эмигранта. Подобные вам, хотя бывали исключения и ошибки, выдаче Советской власти не полежат.

Через три дня, оформив все документы, я переехал в лагерь русских перемещенных лиц Менхгоф. Следующий день был 28-го июля – мой день ангела. С волнением вспоминаю поздравление друзей, год тому назад. Война и заточение, для меня лишь печальная память. А где же вы, все приобретенные в беде и в тревоге друзья? Чувствует моё сердце, что не всем вам, подобно мне, судьба милостиво улыбнулась.

В первых числах августа ко мне заходит мой бывший начальник, - Виктор Михайлович Байдалаков.

- Из Москвы получена прискорбная весть: А. А Власов, В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, М. А Меандров и еще несколько генералов РОА были вчера приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. - Собирайтесь, Володя! Через полчаса будет отслужена панихида.

В церкви, кроме нас присутствуют только несколько набожных старушек. Печально звучат молитвы в устах отца Митрофана. С горечью вспоминаю пророческие слова Андрея Андреевича Власова: - «Если победа будет наша, то станем освободителями нашего народа, а если нет, то превратимся в призираемых предателей!»

Для медицинского осмотра отправляюсь в местечко «Эршвеге», где в местном госпитале служит русский хирург -харьковчанин профессор Розе. Рентгеновский снимок безоговорочно ему доказывает, что ни туберкулёзом, ни иными заразительными лёгочными заболеваниями я никогда не болел!!!

Становится совершенно понятным, что доктор Хорнек, несмотря на своё, не допускающее ни обмана, ни лжи, благородное рыцарское прусское воспитание, ради моего спасения решился на незаконный подмен рентгеновского снимка! Благодарю судьбу, что при появлении возможности побега я не смалодушествовал и своим недостойным поведением не подверг к ответственности и наказанию этого, на редкость благородного, самоотверженного и милосердного человека...

Санта Роза, Калифорния
1-го Августа 2006 г.

Copyright © V.I.Bykadoroff, 2006